

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

«СТИХ О СВЯТОЙ ГОРЕ» ВЯЧ. ИВАНОВА: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ¹

© 2018 г. А.Л. Топорков

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 12 июня 2018 г.

Дата публикации: 25 декабря 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-216-239

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 14-18-02709)*

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы датировки «Стиха о Святой Горе» Вяч. Иванова, происхождение и смысл эпитафия, устанавливается связь произведения с киевской темой, формулируется гипотеза о связях Стиха с книжными и фольклорными легендами о строительстве Успенского собора Киево-Печерской лавры. Изучение писем Вяч. Иванова позволило установить, что стихотворение было написано в марте, а не в конце 1900 г., как утверждают некоторые комментаторы; эпитафия же добавлен к нему позднее. Высказывается предположение, что предсмертные слова Вл. Соловьева, вынесенные в качестве эпитафия, привлекли Вяч. Иванова не только своим глубокомысленным характером, но и корреляцией с образным строем Стиха. Произведение Вяч. Иванова о строительстве невидимой церкви и грядущем преображении Русской земли перекликается с идеями В. Соловьева о мистической церкви и будущей теократии, поэтому посвящение Стиха памяти философа выглядело совершенно естественным. Сюжет Стиха напоминает фольклорную версию легенды о строительстве Успенского собора, которая неоднократно публиковалась в XIX в. Непосредственным источником Вяч. Иванова могла быть легенда, записанная от 60-летнего крестьянина Тверской губернии Михаила Васильевича Балдовкина и опубликованная в 1899 г. в журнале «Живая старина».

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, символизм, духовные стихи, легенда, Киево-Печерский патерик, Успенский собор, Киево-Печерская лавра.

Информация об авторе: Андрей Львович Топорков — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: atoporkov@mail.ru.

Для цитирования: Топорков А.Л. «Стих о Святой Горе» Вяч. Иванова: опыт интерпретации. Статья вторая // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 216–239.
DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-216-239

¹ Статья первая опубликована: Studia Litterarum. 2016. Т. 1, № 3–4. С. 298–324.

THE VERSE ABOUT THE HOLY
MOUNTAIN BY VYACHESLAV IVANOV:
A CLOSE READING. SECOND ESSAY

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018. A.L. Toporkov

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: June 12, 2018

Date of publication: December 25, 2018

Acknowledgements: The article was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project №14-18-02709).

Abstract: This article addresses the problems of dating “The Verse about the Holy Mountain,” by Vyacheslav Ivanov, the origin and the meaning of the epigraph, and establishes the connection between the poem and the topic of Kiev. It formulates a hypothesis about the connection of the “Verse” with the written sources and folklore legends about the construction of the Assumption Cathedral of the Kiev Pechersk Lavra. By studying the letters written by Vyacheslav Ivanov, we can establish that the poem was written in March 1900 and not at the end of 1900 (as it was stated by several commentators), and that the epigraph was added later. It is argued that the deathbed words of Vladimir Solovyov that the poem uses as its motto, attracted Vyacheslav Ivanov not only due to their profound meaning but also because they correlate with the images of the “Verse,” which had been written before their utterance albeit under the influence of the ideas of Vladimir Solovyov. Vyacheslav Ivanov’s verse about the construction of an invisible church and the impending transformation of the Russian land echoes the ideas of Vladimir Solovyov about the mystical church and future theocracy, therefore the dedication of the verse to the memory of the philosopher seemed quite natural. The plot of the “Verse” recalls the folkloric version of the legend about the construction of the Assumption Cathedral that circulated in the 19th century publications. The immediate source for the “Verse” could have been a legend recorded by a 60-year-old peasant from the Tver’ province, Mikhail Vasilyevich Baldovkin, and published in 1899 in the periodical *Zhivaya Starina*.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, symbolism, religious verses, legend, Kiev Pechersk Patericon, Assumption Cathedral, Kiev Pechersk Lavra.

Information about the author: Andrey L. Toporkov, DSc in Philology, Corresponding Member of RAS (since 2006), Professor, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: atoporkov@mail.ru.

For citation: Toporkov A.L. *The Verse about the Holy Mountain* by Vyacheslav Ivanov: a Close Reading. Second Essay. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 4, pp. 216–239. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-216-239

В комментариях к «Стиху о Святой Горе»² в брюссельском собрании сочинений Вяч. Иванова О.А. Шор утверждала, что стихотворение написано в конце 1900 г. [5, т. 1, с. 858]. Эту датировку позднее повторил Р.Е. Помирчий в примечаниях к изданию произведений Вяч. Иванова в «Новой библиотеке поэта» [6, т. 2, с. 274]. В своей хронике жизни и творчества Вяч. Иванова Ю.В. Зобнин также сообщает, что Стих появился в конце 1900 г. [4, с. 44]. Тем не менее датировка О.А. Шор является ошибочной — стихотворение было написано в марте 1900 г., а эпиграф добавлен к нему позднее, в августе того же года.

Вяч. Иванов сочинил Стих в Тинтажиле (Северный Корнуолл, Англия), где они с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал провели время с конца января по апрель 1900 г. Это устанавливается на основании письма Вяч. Иванова к М.М. Замятниной от 12/25 апреля 1900 г.³

Текст данного письма важен для понимания замысла Стиха и его связей с художественной и фольклорной традицией. Вначале Вяч. Иванов поздравляет М.М. Замятнину с Пасхой и благодарит за присланную ему ранее гравюру с картины В.М. Васнецова «Богатыри» (1898):

Христос воскрес, дорогой друг! —

Я очень, очень счастлив, сердечный друг Маруся, вашим подарком. Благодарю вас. Гравюра, мне кажется, превосходно передает стиль Васнецова. Она очень артистична. А сами богатыри — просто загляденье. Типы коренные. Хаотические кривизны почвы русской с той поры выпрямились, а они все те же. Ведь и Петр от них: вот его могучность и пламенение духовное, а

2 Далее «Стих о Святой Горе» мы будем называть просто Стихом.

3 См. комментарии Н.А. Богомолова и М. Вахтеля в кн.: [8, т. 1, с. 657, прим. 2].

вот и безудержный, дикий славянский огонь его, бес славянский. Опять залогги, уверяющие... ах, только ли залоггами жить нам? Но — терпение! *Терпение и упование*... Что вы, дорогой друг, присылкой вашего дорогого подарка попали в самый нерв настроения, вы увидите⁴ из стихотворного приложения к этому письму — из сочиненного мною в марте месяце “духовного стиха”. Идеей его я ревниво дорожу, и потому позволю себе безусловно запретить вам его сообщение как чужим, так и друзьям, кроме наших двух сестер Беляевских⁵. Само собой разумеется, что впечатлением, которое “Стих” может произвести, интересуюсь чрезвычайно⁶.

К последнему предложению Вяч. Иванов делает приписку в верхней части листа: «Если известны Вам аналогические легенды, сообщите!»⁷.

Вяч. Иванов называет свое сочинение «духовным стихом», т. е. прямо указывает на его связь с определенным жанром народной поэзии. При этом автор, с одной стороны, сообщает, что он сам сочинил этот текст и идеей его ревниво дорожит, а с другой — спрашивает, известны ли М.М. Замятниной «аналогические легенды». Таким образом, намечается двойная перспектива восприятия Стиха и как произведения индивидуального творчества, и как воплощения известного легендарного сюжета.

В свое письмо к М.М. Замятниной Вяч. Иванов вставляет отдельные выражения из текста стихотворения. Например, слова «терпение и упование» являются несколько перефразированной цитатой из Стиха: «В терпении и во уповании...», «В терпении верном, во уповании!» В свою очередь текст Стиха отсылает к словам апостола Павла: «Всегда благодарим Бога за всех вас, вспоминая о вас в молитвах наших, непрестанно памятуя ваше дело веры и *труд* любви и *терпение упования* на Господа нашего Иисуса Христа пред Богом и Отцем нашим...» (1 Сол. 1: 2–3).

Далее Вяч. Иванов благодарит М.М. Замятнину за ее помощь в разыскании для него литературных материалов, причем делает это в стили-

4 Далее приписано справа на полях и позднее зачеркнуто: это.

5 Далее приписано сверху: (и тем по секрету).

6 Научный институт отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) (далее — РГБ). Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 32. Л. 16–16 об. Текст опубликован в кн.: [8, т. 1, с. 655–656]. Здесь и далее курсив в цитатах мой, за исключением специально оговоренных случаев. — А.Т.

7 РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 32. Л. 16 об.

зованной литературной манере: «Дорогой *трудничек* — Марусенька, как и благодарить вас за *труд ваш великий и терпение*, уж и не знаю»⁸. Называя М.М. Замятнину «трудничком», Вяч. Иванов снова апеллирует к тексту своего стихотворения, в котором строители незримой церкви говорят Царице Небесной: «Уж утешно Ты *трудничков* утешила...». В обороте «за труд ваш великий и терпение» можно видеть аллюзию на слова из Апокалипсиса, обращенные к Ангелу Ефесской церкви: «...знаю дела твои, *и труд твой, и терпение твое*, <...> ты много переносил и *имеешь терпение*, и для имени Моего *трудился* и не изнемогал» (Откр. 2: 2–3).

В конце письма в связи с обсуждением своего перевода из Пиндара Вяч. Иванов затрагивает вопросы народной поэзии: «Я думаю все-таки, Маруся, что не язык наш неспособен к «бóльшей ритмической свободе», и не перевод мой окончательно дурен, а просто русское ухо сделалось невпечатлительным благодаря *отъединению наших поэтических форм от форм народной поэзии*: и здесь — оторванность *от почвы народной!*»⁹. Очевидно, что форма духовного стиха была выбрана Вяч. Ивановым для его произведения не случайно, и этот выбор также призван преодолеть «отъединение наших поэтических форм от форм народной поэзии». Словосочетание «от почвы народной» явно перекликается со сказанным в начале письма о «хаотических кривизнах почвы русской».

Таким образом, письмо Вяч. Иванова включает ряд лексических цитат из Стиха, а отдельные фрагменты представляют собой своеобразный комментарий к его тексту.

Эпиграф к Стиху

Судя по письму к М.М. Замятниной от 12/25 апреля 1900 г. Вяч. Иванов вложил листок со своим стихотворением в конверт, однако этот текст среди архивных материалов, к сожалению, не сохранился. В связи с этим мы не можем судить о том, совпадал ли посланный Вяч. Ивановым текст с тем, который был опубликован позднее в «Кормчих звездах». Единственное, что можно утверждать с полной уверенностью, — это то, что в рукописи отсутствовал эпиграф с предсмертными словами Вл. Соловьева, который скончался 31 июля / 13 августа 1900 г.

8 РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 32. Л. 16 об.

9 РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 32. Л. 16 об.

1/14 августа Л.Д. Зиновьева-Аннибал в письме из Копорья сообщила поэту о смерти Вл. Соловьева: «Только что прочитала о том, что Владимир Сергеевич покинул нас в этой жизни. Где он? Где этот человек, *которому я только что глядела радостно и любяще в глаза?* Еще тише, еще покорнее моя душа. Не надо резкой тоски перед этою новою тайной, хотя я плачу и не могу иначе. Вижу его живым, добрым передо мною...» [8, т. 1, с. 695]. Слова Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, вероятно, указывают на какой-то недавний эпизод общения между ней и В. Соловьевым; вероятно, это была та последняя встреча супругов с мыслителем, о которой сообщает О.А. Шор.

В ответном письме из Сестрорецка от 2–3/15–16 августа Вяч. Иванов между прочим спрашивал: «Важный вопрос: не кажется ли тебе, что прилично посвятить “Стих о святой Горе” “памяти Вл. Соловьева”?» [8, т. 1, с. 699]. Стих Вяч. Иванова о строительстве невидимой церкви и грядущем преображении Русской земли перекликается с идеями В. Соловьева о мистической церкви и будущей теократии, поэтому посвящение Стиха памяти философа выглядело совершенно естественным.

В письме от 4 или 5 / 17 или 18 августа 1900 г. из Копорья Л.Д. Зиновьева-Аннибал поддержала идею мужа: «Хороши стихи о Божьей *Матери*. Посвяти “Стих о Святой горе” *непрерменно* Владимиру Сергеевичу» [8, т. 1, с. 702; курсив Л.Д. Зиновьевой-Аннибал].

В конечном счете стихотворению был предпослан эпитафия: «Трудна работа Господня. *Слова Вл. Соловьева на смертном одре* (В. Евр, 1900, IX, 420)», что также можно рассматривать как своеобразное посвящение Вл. Соловьеву. 8/21 августа 1901 г., Л.Д. Зиновьева-Аннибал писала М.М. Замятниной из Афин, что Вяч. Иванов просит ее «прислать тотчас ему от дедушки Вест<ник> Евр<опы> № 9 за 1900 г., где статья Трубецк<ого> о Соловьеве» [8, т. 1, с. 729]. Как сообщают в своих комментариях Н.А. Богомолов и М. Вахтель, «имеется в виду статья С.Н. Трубецкого “Смерть В.С. Соловьева” (Вестник Европы. 1900. № 9). Вероятнее всего, журнал понадобился для проверки текста эпитафия к “Стиху о Святой Горе”» [8, т. 1, с. 730].

Процитированные Вяч. Ивановым слова приведены в статье С.Н. Трубецкого «Смерть В.С. Соловьева. 31 июля 1900 г.»:

Делу своему он отдавался весь, не зная отдыха, беспощадный к себе, пренебрегая болезнью и истощением, торопясь исполнить то, что считал своим призванием. «Должно быть, я слишком много зараз работал», говорил он в последние дни; как ни велико было обилие его дарований, его физический организм не выдержал постоянного напряжения, постоянной кипучей деятельности. Те, кто видели его в последние годы, помнят без сомнения то впечатление крайней усталости, которое он так часто производил; но эта усталость не мешала ему работать больше прежнего. Напротив, она как бы заставляла его спешить и сделать возможно больше, пока хватит сил.

То была цельная и светлая жизнь, несмотря на все пережитые бури, жизнь подвижника, победившего темные, низшие силы, бившиеся в его груди. Нелегко далась она ему: «трудна работа Господня», говорил он на смертном одре. Но в этой трудной работе он не изнемог духом, сохранил чистое сердце и душевную бодрость, тот высший, чуждый уныния источник веселья и радости, в котором он сам видел подлинный признак и преимущество искреннего христианства [14, с. 420].

Позднее Вяч. Иванов процитировал предсмертные слова мыслителя в начале своей статьи «Религиозное дело Владимира Соловьева» (1911): «“Трудна работа Господня”. Таковы были, по свидетельству кн. С. Трубецкого, предсмертные слова Владимира Сергеевича. Это вздох усталости, но какой завидной усталости! — благодатной усталости верного работника в вертограде Отца. Счастливый, он получил от Хозяина свою дневную плату...» [5, т. 3, с. 296]. Вяч. Иванов использовал здесь образность евангельской притчи о работниках на винограднике (Мф. 20: 1–16). В данном фрагменте угадываются и аллюзии на Откровение апостола Иоанна: «И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр. 14: 13).

И далее Вяч. Иванов восклицает: «Поистине, работник он был и трудился над работой Господней! Вдохновенный труд не воспринимается трудящимся как работа. И, если Соловьев говорил о работе, то, конечно, разумел, прежде всего, аскетический и трагический подвиг воздержания от вольной самоотдачи созерцательным вдохновениям, подвиг, в котором мы видим

величайшую жертву, принесенную личностью Вл. Соловьева началу исторически-вселенскому» [5, т. 3, с. 303].

Можно предположить, что предсмертные слова Вл. Соловьева привлекли Вяч. Иванова не только своим глубокомысленным характером, но и перекличкой с образным строем Стиха, написанного под явным влиянием идей Вл. Соловьева. Особое значение получала лексическая близость Стиха и высказывания «Трудна работа Господня»; в частности, в Стихе несколько раз встречаются слова с корнем *труд*: существительное *труднички* и трижды глагол *труждаться* в разных формах: «*Труждаются* святые угодники...», «Мы почто, почто *труждаемся* — подвигаемся...», «Вы *труждайтесь*, подвизайтесь...».

Связь Стиха с киевской темой

В биографическом очерке, помещенном в качестве предисловия к первому тому брюссельского собрания сочинений Вяч. Иванова, О.А. Шор сообщила ряд сведений о жизни Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в 1900 г. В частности, она рассказала о поездке супругов в Киев: «В середине лета 1900 г. В.И. и Л.Д. посетили Владимира Соловьева в С. Петербурге и, в исполнение его невысказанной воли, прямо от него отправились в Киев, *паломниками в Печерскую Лавру*» [2, с. 36]; «<...> Вячеслав и Лидия очутились в Киево-Печерской Лавре, *приведенные туда Соловьевым, волею его, без его ведома*. Из Киева, *после причастия (первого подлинного после детских лет)* они послали ему в Петербург телеграмму; не знали они, что в то время он умирал у Трубецких, в их имении Узком; и никогда не узнали, дошла ли до него их весть» [2, с. 40].

Как известно, биография Вяч. Иванова, составленная О.А. Шор, не только содержит многочисленные фактические ошибки, но и в целом выдержана в своеобразной литературной манере, для которой характерно превращение жизненных реалий в биографическую легенду. В приведенных цитатах, например, обращает на себя внимание то, что Вяч. Иванов и его супруга поехали в Киев «в исполнение... невысказанной воли» В. Соловьева и были приведены в Киево-Печерскую лавру «Соловьевым, волею его, без его ведома». Таким образом, поездка в Киев изображается как мистическое паломничество во исполнение невысказанного вслух пожелания В. Соловьева, которое при этом осталось неведомым для него самого. Впрочем, поскольку

О.А. Шор в 1900-е гг. еще не была знакома с Вяч. Ивановым, она скорее всего основывалась на рассказах самого поэта и передавала его точку зрения.

О событиях 1900 г. Вяч. Иванов вспоминал в стихотворении из «Римского дневника 1944 года» («Июль», № 9):

Памяти Владимира Соловьева

Четыредесятъ и четыре
В войне, гражданских смутах, мире
Промчалось года с дня того,
Как над Невою мы с ним простились,
И вскоре в Киве постились
Два богомольца, за него,
В церковном послушаньи русском
Утверждены. У друга, в Узком,
Меж тем встречал он смертный час.
Вмещен был узкою могилой,
Кто мыслию ширококрылой
Вмещал Софию¹⁰. Он угас;
Но всё рука его святая,
И смертью не отнятая,
Вела, благословляя, нас.

15/28 июля

[5, т. 3, с. 621]

В своем примечании к этому стихотворению О.А. Шор кратко изложила те же сведения, что и в предисловии к собранию сочинений:

10 В этих словах можно видеть аллюзию на слова «Пасхальной песни» Романа Сладкопевца: «Так говоря, собрание богоносных жен вышло из города вместе с рассказчицей и, увидев издалека гроб, воскликнуло: “Вот место, вернее же — лоно чистое; вот — носящее Царя; вот — вмещающее в себя То, Что не вмещают небеса, но вмещают святые. Похвала тебе, песнь тебе, святой гробе, маленький и величайший, бедный и богатый, сокровищница жизни, вместительница мира, знамение радости, гробе Христов! Памятник Одному, слава вселенной, как благоволил падшим Подающий воскресение”» (икос 17).

28 июля — 15 июля ст. ст. — день св. Владимира. В 1900 г., *на исходе июля*, В.И. и жена его Л.Д. Зиновьева-Аннибал посетили Владимира Соловьева. *Оба они преодолевали тогда многолетний религиозный кризис. Свидание это вернуло их Церкви.* Из Петербурга они поехали в Киево-Печерскую Лавру. Во время их пребывания там в имении Трубецких — Узком — умер Владимир Соловьев (30 июля 1900 г.). В.И. всю жизнь чувствовал его направляющее присутствие [5, т. 3, с. 859].

Более подробно О.А. Шор рассказала о тех же событиях в своем очерке, помещенном в качестве дополнения к статье Вяч. Иванова «Религиозное дело Владимира Соловьева» в 3-м томе брюссельского собрания сочинений:

В начале июля 1900 г. В.И. и жена его, Лидия Дмитриевна Зиновьева, поехали в Петербург, к Соловьеву. Он жил в какой-то гостинице. Сразу заговорили о стихах. В.И. спросил Соловьева, одобряет ли заглавие “Кормчие Звезды” для его первой, готовящейся к печати книги лирики. “Номоканон”, — воскликнул Соловьев, — скажут, что автор филолог. Но это ничего. Очень хорошо, очень хорошо». Номоканон, византийское собрание непреложных соборных постановлений, было в переводе названо “Кормчю Книгою”. Соловьев сразу понял: “Кормчие Звезды” — непреложные истины, вечные идеи, “звезды божественной природы”, указывающие человеку правый духовный путь... Соловьев еще сказал: “Стихи трудные. Вас не поймут. Надо объяснить. Я статью напишу...” Не прошло и месяца, как Вл. Соловьев безвременно неожиданно умер [5, т. 3, с. 746–747].

Обращает на себя внимание некоторая несогласованность датировок: в примечании к стихотворению О.А. Шор сообщает, что Вяч. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал посетили Вл. Соловьева. «на исходе июля» 1900 г., а в комментариях к статье говорится, что это произошло «в начале июля». Вторая датировка представляется более вероятной.

Уточнить сообщения О.А. Шор позволяют эпистолярные документы 1900 г. В частности, в письме из Петербурга в Копорье к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 13/26 июня 1900 г. В.И. Иванов сообщал: «Заголовок “Кормчие Звезды” Соловьевым одобрен» [8, т. 1, с. 668]. Из этой краткой информации неясно, когда именно Вяч. Иванов разговаривал с Вл. Соловьевым о на-

звании его первой книги, однако очевидно, что это произошло не в начале июля, а в первой половине июня. Из контекста письма понятно также, что Л.Д. Зиновьева-Аннибал не присутствовала при этом разговоре.

В своей хронике жизни Вяч. Иванова Ю.В. Зобнин относит посещение В. Соловьева Вяч. Ивановым и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к 1898 г. и полагает, что именно после этого посещения Л.Д. Зиновьева-Аннибал отправилась в Киев [4, с. 38]. Между тем Ю.В. Зобнин ошибочно объединил два разных эпизода: в 1898 г. Л.Д. Зиновьева-Аннибал ездила в Киев одна, а в сообщениях О.А. Шор и в стихотворении Вяч. Иванова речь идет о совместной поездке Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.

В целом Ю.В. Зобнин восстанавливает события весны и осени 1900 г. следующим образом:

В мае для супругов стала очевидна необходимость летней поездки в Женеву и Петербург для представления Иванова родителям Л.Д. Зиновьевой и улаживания очередных семейных дел <...> В начале июня Ивановы живут в Женеве у Д.В. Зиновьева. <...> 6 июня они уезжают в Петербург. Здесь для них стараниями М.М. Замятниной уже приготовлена квартира в доме № 13 по Николаевской набережной. <...> Что же касается Иванова, то он отдал рукопись «Кормчих звезд» в типографию А.С. Суворина и <...> уехал с женой в Копорье, где получил благословенье от С.А. Зиновьевой, пробыл два дня и вернулся в Петербург не позже 13 июня. Л.Д. Зиновьева осталась в Копорье с матерью. В июле Иванов снял дачу в курортном пригороде Сестрорецк (дача Мансурова на Большой Канонерской улице): Ивановы планировали вызвать сюда из Англии детей. <...> Л.Д. Зиновьева все это время оставалась в Копорье, поскольку «стала очень хворать». Оказалось, что она вновь беременна, причем беременность протекала с очень тяжелой токсикацией: «удушья и слабость такая, что лежу каждый день до завтрака в постели». <...> 7/20 сентября, у Л.Д. Зиновьевой в Сестрорецке случился выкидыш, она была срочно доставлена в местную земскую больницу и прооперирована. <...> В ноябре-декабре Ивановы устраивают свое «семейное гнездо» в Швейцарии [4, с. 42–44].

О том, что летом 1900 г. Вяч. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал были в Киеве, Ю.В. Зобнин не упоминает, однако нет оснований сомневаться в

том, что такая поездка состоялась. Помимо сообщений Вяч. Иванова и О.А. Шор о ней имеются и другие свидетельства.

20 июня / 3 июля 1900 г. Вяч. Иванов еще находился в Петербурге. В этот день он писал своему пасынку К.К. Шварсалону: «Я один живу в Петербурге, чтобы заниматься; а мама с бабушкой в деревне. Я там был два дня, и еще туда еду на несколько дней на этой неделе. Там хорошо и бабушке, и маме. А я живу на берегу реки-Невы, она очень широкая и красивая, и из моей комнаты отличный вид на¹¹ город с дворцами и соборами и на реку со стоящими на ней пароходами и парусными судами»¹².

Письмо М.М. Замятниной от 24 июня / 7 июля 1900 г. из Сестрорецка также адресовано Вяч. Иванову в Петербург¹³.

О времени пребывания Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в Киеве можно косвенно судить по тому, что в июле 1900 г. М.М. Замятина отправляла им письма в Киев до востребования. Открытка М.М. Замятниной к супругам от 7/20 июля 1900 г. послана из Вержболово, с пограничной станции между Российской империей и Пруссией. М.М. Замятина, в частности, писала: «Подумать только, что я раньше доеду до Парижа, чем вы до Киева. Помолитесь за меня в Святыни древней русских городов. Вы же с дороги уж, конечно, никакого не черкнете, этого уж и не жду, хоть Вяч.<слав> и сказал, что с дороги писать приятно, он, конечно, разумел получать письма с дороги»¹⁴. На марке печать с надписью: «Вержболово», вторая печать: «Киев. 10.VII». Адрес: «Вячеславу Ивановичу Иванову. До востребования. Киев».

Письмо М.М. Замятниной к В.И. Иванову и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 13/25 июля 1900 г. послано уже из Парижа¹⁵. Адрес: «Его благородию Вячеславу Ивановичу Иванову. Киев. До востребования. Kieve. Russie». На обороте конверта два штампа: «Варшава. 16.VII» и второй с неразборчивым текстом (вероятно, «Киев») и числом «17.VII».

Таким образом, Вяч. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал, вероятно, были в Киеве между 10/23 июля и 17/30 июля 1900 г., хотя могли приехать немного ранее или позднее и уехать немного позднее. В. Соловьев

11 Далее зачеркнуто: весь.

12 РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 44. Л. 2 об.

13 РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 13. Л. 4-5 об.

14 РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 16. Л. 5 об.

15 РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 16. Л. 6-11 об.

14/27 июля приехал в Москву и 15/28 отправился в подмосковное имение Трубецких Узкое, где и скончался спустя две недели. Можно предположить, что телеграмма супругов В. Соловьеву, о которой сообщает О.А. Шор, была отправлена из Киева по случаю дня св. Владимира 15/28 июля.

В стихотворении памяти В. Соловьева Вяч. Иванов сообщает, что они с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «в Киеве постились <...> / В церковном послушании русском / Утверждены». Во вступительной статье к собранию сочинений Вяч. Иванова О.А. Шор отмечает, что супруги «отправились в Киев, паломниками в Печерскую Лавру» [2, с. 36] и там приняли «причастие (первое подлинное после детских лет)» [2, с. 40].

О том, что именно привлекало в Киеве Л.Д. Зиновьеву-Аннибал, дают представление ее письма к Вяч. Иванову, отправленные двумя годами ранее, когда она провела в городе на Днепре 6 дней с 28 июня / 10 июля по 4/16 июля 1898 г. Наиболее яркие воспоминания писательницы связаны с посещением Владимирского собора и Киево-Печерской лавры, а также со знакомством с религиозной живописью В.М. Васнецова и М.В. Нестерова.

В письмах к Вяч. Иванову Л.Д. Зиновьева-Аннибал ярко и темпераментно пишет о киевских святых и достопримечательностях. В письме от 28–29 июня / 10–11 июля 1898 г. она восклицает:

Киев — это сказка! это сон! это красота и поэзия! Киев — это счастье для русской души, дорогое прошлое, залог и вера будущего! <...> пошла в Владимирский собор. Прежде всего скажу: он снаружи прелестен, прекрасен даже, также и внутри <...> Я такой русский стиль чувствую наравне с греческим <...> Эти византийско-русски-романские окна и арки, и светлость, и радость, и гармония, и чудесные 7 золотых куполов — благолепие храма!

Внутри линии арок великолепны и ясно-округлы, хотя первое впечатление — почти теснота! Отделка прекрасна, мистика ее поразила меня с неиспытанною силою. Нет уголка, нет дуги, нет промежутка между картинами, не исписанными <так!> по золоту странными, мистическими и прекрасными цветами и листьями, или же странными кругами и полукругами, сплетшимися фантастично. Картины Васнецова, кажется, сильны и новы, и жизненны, и красивы. Я еще недостаточно взгляделась в них! <...>

У меня мысль: после свободы моей поселиться на год или более в Киеве, как хорошо тебе и детям. Мне опять стал противен Петербург [8, т. 1, с. 594–595].

В следующем письме от 1/13 июля 1898 г. место отправления обозначено: «В священном граде». Л.Д. Зиновьева-Аннибал сообщает, в частности, о своем посещении Киево-Печерской лавры:

Затем отправилась в Лавру. Там встретилась с одною простою Киевлянкою — беденькой портнишкой, очень богомольной, и с ней вместе ходили всюду в тот день. У обедни стояла 3 часа, на душе было хорошо, но ноги и спина заставляли меня воображать себя мучинецей <так!> древней. К концу обедни мы подошли к образу чудотв<орному> Богоматери, и можешь себе представить — сама не ожидая, прикладываясь, я начинаю судорожно рыдать, и едва сдержалась. <...> Потом ходили по Лаврским садам и пешком вернулись Царским парком в Киев, где тотчас отправились во Владимир <так!> и там отстояли вечерню, после которой я вторично смотрела картины. Васнецов — сильный, новый, животворный художник и безусловно, высший из тех, кого я знаю у нас. Нестеров же — это иное, глядя на его Богородицу, я не могу не плакать от умиления и также и радости. Милый, дорогой, святой художник, близкий душе моей... [8, т. 1, с. 596–597].

Свое первое впечатление от Киева Л.Д. Зиновьева-Аннибал передает в письме к Вяч. Иванову от 27–28 июня / 9–10 июля 1898 г.: «Ехала из Петербурга до Гомеля на поезде, далее на пароходе по Сожу и далее по Днепру до Киева. <...> Приехала в Киев... на почте. Уже за 20 верст *он синел, как видение, на сером небе, временами тучи прорывались над ним и купола горели. Ничего подобного не испытывала...*» [8, т. 1, с. 592, 594].

Сходные визуальные образы встречаются в заключительной части стихотворения Вяч. Иванова «Днепрowie»:

Вот они, нагория
Дальние *синются*;
Ясно *пламенеются*
Пламенники Божии:

Станы златоверхие
 Воинства небесного,
 Града святокрестного
 Главы огнезарные...
 [6, т. 1, с. 92]

Хотя название города в стихотворении не упоминается, очевидно, что речь идет именно о Киеве, на что указывает словосочетание *град святокрестный*. Не исключено, что слова с повторяющимся корнем *дол* намекают на «Подол» как район Киева: «Отсветы *долгие* / *Долу* колышутся», «Глянет ли *долу...*», «А по *раздолу...*».

Визуальный ряд стихотворения Вяч. Иванова очень близок описанию первого впечатления от Киева в письме Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. В обоих текстах человек видит издали священный город как множество церквей с горящими на солнце куполами. Именованье куполов «пламенниками» отсылает к заглавию неоконченного романа Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Пламенники». В целом данный фрагмент стихотворения напоминает стихотворное переложение процитированного письма Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.

О.А. Шор сообщает, что во время посещения киевского собора Вяч. Иванов как бы впервые открыл для себя иконографический образ Голгофы: «На стене Киевского Собора, в то памятное посещение его во время смерти Вл. Соловьева, В.И. вдруг заметил изображение Земли в виде Голгофы, горы остроконечной, и это видение его пронзило. Он и раньше много раз видел это обычное иконное начертание, но: вещи и большие и малые говорят с нашей душой лишь тогда, когда она готова их услышать» [2, с. 50–51]. О.А. Шор описывает ситуацию так, как будто Вяч. Иванов увидел изображение Голгофы в то самое время, когда умирал В. Соловьев, хотя в день смерти мыслителя Вяч. Иванов уже находился в Петербурге.

Хотя О.А. Шор не приводит названия собора, нетрудно предположить, что какие-то важные впечатления от пребывания в Киеве связывались для Вяч. Иванова прежде всего с Успенским собором Киево-Печерской Лавры, Софийским собором и Владимирским собором. Хотя мы не располагаем пока прямыми свидетельствами о том, какие именно места посещал Вяч. Иванов в Киеве, можно делать предположения об этом, основываясь на

письмах Л.Д. Зиновьевой-Аннибал 1898 г. Очевидно, что интересы супругов были очень близкими и скорее всего они осматривали в первую очередь те же достопримечательности, в которых за два года до этого проводила время одна Л.Д. Зиновьева-Аннибал.

Легенды об основании Успенского собора Киево-Печерской лавры

Из контекста Стиха очевидно, что церковь, которую строят подвижники, посвящена Богородице. Учитывая ряд параллелей между Стихом и колыбельной Отрады из «Повести о Светомире царевиче», отметим, что в первой редакции колыбельной фигурировал храм Успения Богородицы: «Середь моря стоит *остра гора*, / На возгорье *Успенъев храм*...» [7, с. 155].

Описание царства пресвитера Иоанна в «Повести о Светомире царевиче» заканчивается описанием башни, стоящей на скале и подобной маяку, а также семи церквей, среди которых названы Воскресенская и Успенская:

17 Неподалеку, среди садов моих на скале, башня высотой ступеней ста сорока семи, высеченная из разных многоценных, и как маяк сияет верным издалеча.

18 Встроены во храм, на скале выспрь возведенный, семь церквей; три церкви подземные и четыре надземныя; и в преисподнюю церковь, Воскресенскую, и в верховую, *Успенскую*, токмо Запечатленным доступ, о них же особье скажу [7, с. 134].

Одним из источников Стиха могли послужить легенды о создании Успенского собора Киево-Печерской лавры. Средневековые версии этих легенд включены в «Слово о создании Печерской церкви», составленное Владимирским епископом Симоном в 1222–1226 гг. на основании монастырских легенд и входящее в Киево-Печерский патерик.

В «Слове» сообщается, что еще до постройки Успенского собора он чудесным образом дважды явился варягу Шимону (на поле битвы с половцами на Альте и во время бури на море), а потом грекам-мастерам во Влахернском храме в Константинополе и еще дважды греческим изографам на Днепре у Канева. Во всех перечисленных случаях люди видели церковь на большой высоте, причем речь явно идет не о реальной церкви, которая материально

еще не существовала к этому времени, а о ее «сверх- или ирреальном архетипе» [11, с. 374]. Отметим, что и в Житии Феодосия Печерского рассказывается, что Успенская церковь дважды возносилась на воздух, однако речь идет о реальном, уже построенном храме, а не о явлении его образа.

В Стихе Вяч. Иванова описание собора на вершине поднебесной горы напоминает о небесном храме в преданиях о строительстве Успенского собора Киево-Печерского монастыря. При этом один из легендарных эпизодов, включенных в «Слово о создании Печерской церкви», имеет больше всего пересечений со Стихом. Четыре греческих мастера из Константинополя были вызваны во сне во Влахернский храм некоей царицей, которая сообщила им, что хочет построить себе церковь в Киеве, дала золота и велела отправиться на Русь к Антонию и Феодосию:

Царица же рече: «Сий Антоний, точию благословив, отходит свѣта сего на вѣчный, а сий Феодосий во 2-е лѣто по нем идет. Вы же возьмите до избытка вашего золото, а еже почтити вас, тако не может никтоже: дам вам, еже ухо не слыша и на сердце челоуѣку не взиде¹⁶. Прииду же и сама видѣть церкве и в ней хоцю жити». <...> И видѣхом на вѣздусь церковь, шедше же, поклонихомся ей: «О госпоже царице, каково имя церкы?» Сия же рече, яко: «Во имя себе хошу нареши». Мы же не смѣхом ея вопросити: «Како ти имя?» Си же рече: «Богородичина будет церкы». И дасть нам сию икону, и рече нам: «Та намѣстнаа да будетъ» [3, с. 12].

Хотя имя царицы не названо, очевидно, что имеется в виду Богородица, или Царица Небесная. Ее обещание прийти и посмотреть на построенную зодчими церковь и пожелание жить в ней соответствуют двум эпизодам Стиха: сначала Богородица приходит к строителям и разговаривает с ними («Как приходит на гору Царица Небесная...»), а потом обещает прийти к ним снова, когда исполнятся времена и сроки («Как сама Я, той годиною пресветлою, / Как сама Я, Мати, во храм сойду...»).

В патериковой легенде царица вручает мастерам богородичную икону, чтобы она стала «наместной» в новопостроенном храме. Хотя прямо об этом не говорится, можно догадаться, что именно в иконописном образе Богородица и

¹⁶ В словах «еже ухо не слыша и на сердце челоуѣку не взиде» цитируются слова апостола Павла (1 Кор 2: 9).

будет жить в своем храме. В Стихе присутствует тема иконы («...Аль честные пишут образы со писании...»), однако идея о близости или даже тождественности богородичной иконы и самой Богородицы не получила развития.

Сюжет Стиха еще в большей мере напоминает фольклорную версию легенды о строительстве Успенского Печерского собора, которая неоднократно фиксировалась в источниках XIX в. [1, с. 216–218; 10]. В частности, в 1899 г. в журнале «Живая старина» была напечатана легенда, записанная В.Г. Суворовым от 60-летнего крестьянина деревни Бобахина Калязинского уезда Тверской губернии Михаила Васильевича Балдовкина¹⁷. По сообщению публикатора, крестьянин М.В. Балдовкин «сапожничал в Москве и любил ходить в Кремль во время споров, которые бывали там на Пасхе. Он был неграмотный, но с удовольствием слушал чтение, любил поговорить и рассказывать слышанное» [12, с. 389]. Поскольку именно этот текст мог быть известен Вяч. Иванову, приведем его полностью:

Киевский собор

В старину Богородицу звали просто богородицей, значит девка родила Бога, а потом ее назвали «Госпожой Богородицей». И вот, когда ее так прозвали. В Иерусалиме наняла она 12 братьев-каменьщиков и заказывает им *построить собор*. — «Где?» спрашивают ее каменьщики. Она на это ничего не ответила, а только приказала им плыть, а куда доплывут, там и собор строить. Сели 12 каменьщиков-братьев на корабль и поплыли по морю. Плывут это и смотрят: «да что мы за глупые: едем не ведомо куда и не ведомо, где будем строить собор; лучше вернемся домой». Повернули корабль назад. Но тут поднялась страшённая буря, чуть не потопила братьев; помолились они, повернули опять вперед, и буря миновала. И приплыли они к Киеву; вышли на берег, пошли по городу, ходят и *высматривают место, где бы построить собор*. Не могут найти, что делать? Только вдруг и пала роса, всю землю покрыла, а одно место нет. Тут они и начали строить собор. *Что днем складут — на ночь под землю уйдет, и никто работы их не видит*. Сумленье взяло братьев, хотели работу бросить; но во сне явилась им Богородица и говорит: «не сумлевайтесь, работа ваша не пропадет». *Кончили братья работу: и купол, и кресты вывели... и вдруг из-под земли, во всей красе, и вышел собор. Так он и до сих пор стоит в Киеве* [12, с. 389].

17 Благодарю А.А. Панченко, который указал мне на эту публикацию.

Начало рассказа М.В. Балдовкина и его центральная часть в основном воспроизводят версию Киево-Печерского патерика, хотя в деталях и привносят кое-что новое. Например, в начале сообщается, что Богородица наняла в Иерусалиме 12 братьев-каменьщиков, в то время как в патерике действие происходит в Константинополе и речь идет о четырех греческих мастерах.

Наиболее оригинальный характер имеет вставка в конце текста. В ней сообщается, что та часть собора, которую 12 братьев строят за день, ночью уходит под землю, и потому ни сами они, ни окружающие не видят результатов их работы. Мастера начинают сомневаться, не оставить ли им такой бесполезный труд, однако во сне к ним является Богородица и убеждает их. Когда собор был целиком построен, он вырос из-под земли во всей своей красе. Эта часть легенды очень близка Стиху, хотя невидимость храма мотивирована здесь по-другому.

В наиболее ранней известной нам фиксации, включенной в повесть П.А. Кулиша «Огненный змей» (1841), легенду рассказывает своим молодым спутникам пожилой человек, глядя на открывающуюся панораму Киева:

Пещеры выкопали святые — Антоний и Феодосий, а самый монастырь муровали двенадцать братьев, что лежат в пещерах. <...> Вот эти же двенадцать братьев, окончивши церковь и всю монастырскую ограду, муровали высокую Лаврскую колокольню многие годы. При этом было им особенное чудо Божие, именно то, что сколько они вымуруют за день, за ночь уходит в землю, так что и подмостков, какие делают каменьщики, им было не нужно; и они, стоя на земле, выделявали все те столбы, что видишь под самую крышею. Как вот в одну ночь явилась старшему брату во сне Матерь Божия, и сказала, что стен класть уже довольно, потому что во всем свете нет высшего строения; а выведи, сказала, верх и обкуй его чистым золотом, и крест поставь тоже из чистого золота. Сказала, и скрылась в небесах. Старший брат встал, помолился Богу, разбудил братьев, и принялись за работу. Скоро верх был выведен, окован золотом и крест поставлен из чистого золота. Как только все было кончено, колокольня вдруг вышла из земли и стала вот как теперь есть [9, с. 193–194].

В данной версии речь идет о лаврской колокольне, а не об Успенском соборе, причем особый акцент сделан на высоте здания и технологии строительства, при которой не требуются леса, а столбы под крышей можно

делать стоя на земле. Отсутствуют и мотив невидимости, и мотив недовольства мастеров, а Матерь Божия является старшему брату во сне, чтобы велеть ему завершить кладку стен и оковать золотом крышу и крест на ней.

В более развернутой версии легенда приведена в очерке И. Трусевича «Народные легенды про Киев и его окрестности» (1866). Здесь повествование ведется от лица киевского старца, хорошо знающего исторические предания о городе.

Из всех церквей, — продолжал старик, — самая святая — это Печерская Лавра. План ее дала сама *Матерь Божая*. Она явилась священнику Влахернской церкви во время богослужения. Когда священник, преклоняясь, приступал с кадиллом к престолу, глаза его вдруг были ослеплены, каким-то необыкновенным блеском. Пред ним стояла Пречистая в длинном белом платье, держа в руках какую-то картину. Она объявила священнику, что в Киеве должна быть построена церковь, по образцу, который Она оставила. Для постройки церкви, из той земли (в которой явилась Матерь Божая) должны быть высланы двенадцать *дуже хороших* мастеров. На другой же день были отправлены мастера и деньги в Киев. Прийдя сюда, мастера принялись за работу, но всякий раз, когда после ночи они приходили опять на место постройки, то не находили даже следа вчерашней работы — церковь входила в землю. Строили много лет, но на земле не было *ничогусенько* каменных стен. Испуганные мастера решились бросить работу и уйти. Купили лодку и все двенадцать ночью отчалили от берега. После *всеночной* езды, на рассвете, они опять очутились у печерской горы. Бог, видимо, не хотел их отъезда, и они опять принялись за работу. Наконец, в одну ночь, во сне, явился мастерам Бог и сказал, чтоб они на другой же день кончали постройку, т.е. ставили куполы и кресты. Ночью, когда они спали, какая-то шедшая мимо женщина увидела церковь и колокольню, быстро выходящую из-под земли, женщина испугалась и вскрикнула..... церковь остановилась. Вставшие по утра мастера увидели чудо: но едва половина церкви была над землею, другая часть осталась в земле. Крик женщины не дозволил ей выйти целой; — женщина имела грешные очи. Церковь уже более никогда не поднималась. Митрополит киевский призвал мастеров и предложил им: или остаться при Лавре до смерти, на всем монастырском содержании, или получить деньги. Одиннадцать мастеров согласились поступить в монахи, двенадцатый желал получить деньги. На долю его досталось более *тысячи ты-*

сячей. Получив деньги, он начал гулять и чрез несколько лет стал почти нищим. В городе не было работы, и он отправился к митрополиту с просьбой принять его в монахи. Митрополит отвечал, что он может остаться тогда только, когда согласятся его принять остальные одиннадцать мастеров, занявшие уже одну из пещерных келий. Но в келии одиннадцати братьев было тесно. Однако, на просьбу покаявшегося брата, они раздвинулись, и он улегся между ними. Голова его легла ниже головы его братьев, и одна нога осталась согнутою. Такою мы видим ее и теперь в пещере двенадцати братьев. Всякий год, однако, на *маковое зерно* разгибается колено и, когда выпрямится нога совершенно, то наступит конец мира [15, с. 14; курсив И. Трусевича].

В данной версии начало текста в целом восходит к Киево-Печерскому патерику. Далее следует отсутствующий в патерике фрагмент о том, как церковь каждый день уходила под землю, а за ним эпизод бегства мастеров в общем в соответствии с патериком. В рассказе о сновидении вместо Богородицы фигурирует Бог, а эпизод выхода церкви из-под земли осложнен появлением женщины с грешными очами и мотивом ее пагубного воздействия на постройку. Таким образом, эпизоды из Патерика чередуются с эпизодами более поздней легенды фольклорного происхождения. Вторая часть текста, которая посвящена дальнейшей истории 12 братьев и их захоронению в лаврских пещерах, не имеет отношения к патерику.

Вполне вероятно, что Вяч. Иванов был знаком с разными версиями легенды о строительстве Успенского собора Киево-Печерской лавры — и книжными, включенными в Киево-Печерский патерик, и устными, которые бытовали среди киевских знатоков лавры и публиковались начиная с 1840-х гг.

Трудно представить себе, что Вяч. Иванов пользовался повестью П.А. Кулиша или очерком И. Трусевича, однако более чем вероятно, что он читал Киево-Печерский патерик, в котором изложены легенды о строительстве Успенского собора. Не исключено, что поэт был знаком и с публикацией фольклорной версии легенды, которая увидела свет в 3-м выпуске «Живой старины» за 1899 г., примерно за полгода до того, как он написал свое стихотворение.

Вяч. Иванов мог узнать фольклорный сюжет и из других источников. Поскольку легенда о 12 братьях-строителях получила привязку к захоронению 12 монахов в пещерах Киево-Печерской лавры. Л.Д. Зиновьева-Аннибал могла

услышать ее изустно при посещении лавры в 1898 г. и пересказать своему мужу. При посещении Киева в июле 1900 г. Вяч. Иванов мог и сам познакомиться с подобными рассказами, но Стих к этому времени был уже написан.

Сравнение Стиха с различными версиями легенды о строительстве Успенского собора показывает, что Вяч. Иванов существенно переосмыслил книжные и фольклорные источники. Во-первых, поэт творчески разработал тему невидимости. В фольклорной версии построенное за день становится невидимым, потому что ночью уходит под землю, а в Стихе камни перестают быть видимыми в тот момент, когда их закладывают в здание собора. Во-вторых, Вяч. Иванов перенес место действия из Киева на Святую Гору, а время действия — из прошлого в условное настоящее. Если в легенде речь идет об истории построения собора, который уже стоит в Киеве, то у Вяч. Иванова строительство собора еще продолжается, а видимым он станет только в будущем, после того как в него спустится Пречистая Матерь.

Список литературы

- 1 *Грушевський М.С.* Історія української літератури: в 6 т., 9 кн. Київ: Либідь, 1994. Т. 4. Кн. 1 / упоряд. О.М. Таланчук; приміт. С.К. Росовецького. 336 с. («Літературні пам'ятки України»).
- 2 *Дешарт О.А.* Введение // *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. С. 7–226.
- 3 Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / изд. подг. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М.: Наука, 1999. 496 с.
- 4 *Зобнин Ю.В.* Материалы к Летописи жизни и творчества Вяч. И. Иванова. Часть 1 (1866–1907). Ebook 2011. URL: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2011/02/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf (дата обращения: 07.04.2018).
- 5 *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. Т. 1–4. 871 с.+ 851 с.+ 896 с.+ 800 с.
- 6 *Иванов Вяч.* Стихотворения; Поэмы; Трагедия: в 2 кн. / сост., подгот. текста и примеч. Р.Е. Помирного; вступ. ст. А.Е. Барзаха. СПб.: Гуманит. агентство «Академ. проект», 1995 (Новая б-ка поэта).
- 7 *Иванов Вяч.* Повесть о Светомире царевиче / изд. подг. А.Л. Топорков, О.Л. Фетисенко, А.Б. Шишкин. М.: Ладомир, Наука, 2015. 824 с.

- 8 *Иванов Вяч., Зиновьева-Аннибал Л.* Переписка: 1894–1903 / подг. текста Д.О. Солодкой и Н.А. Богомолова при участии М. Вахтеля; вступ. ст. М. Вахтеля и Н.А. Богомолова; комм. Н.А. Богомолова и М. Вахтеля при участии Л.О. Солодкой. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1–2. 804 с. + 616 с.
- 9 *Кулиш П.* Огненный змей, повесть из народных преданий // Киевлянин / издал Михаил Максимович. Киев: В университетской тип., 1841. Кн. 2. С. 181–288.
- 10 *Лопухина Е.В.* Двенадцать греков // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2014. Т. 14. С. 234–236.
- 11 *Ранчин А.М.* Из наблюдений над пространственной структурой в сказаниях Киево-Печерского патерика // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Языки славянской культуры, Прогресс-традиция, 2004. Вып. 11. С. 370–375.
- 12 *Суворов В.Г.* Религиозно-народные поверья и сказания (записаны в Калязинском уезде Тверской губернии) // Живая старина. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1899. Вып. 3. С. 389–397.
- 13 *Топорков А.Л.* «Стих о Святой горе» Вяч. Иванова: опыт интерпретации. Статья первая // Studia litterarum. 2016. Т. 1. № 3–4. С. 298–324.
- 14 *Трубецкой С.Н.* Смерть В.С. Соловьева. 31 июля 1900 г. // Вестник Европы. СПб., 1900. Т. 205. № 9. С. 412–420.
- 15 *Трусович И.* Народные легенды про Киев и его окрестности // Киевлянин. Литературная и политическая газета Юго-Западного края. Киев, 1866. № 4. 8 янв. С. 13–14; № 5. 11 янв. С. 17–18; № 6. 13 янв. С. 21–22.

References

- 1 Grushevskii M.S. *Istoriya ukrainskoi literatury: v 6 t., 9 kn.* [The History of Ukrainian Literature: in 6 vols., 9 books]. Kiev, : Libid' Publ., 1994. Vol. 4. Book 1, ed. O.M. Talanchuk, comm. by S.K. Rosovetskii. 336 p. (In Ukrainian)
- 2 Deshart O.A. Vvedenie [Introduction]. *Ivanov Vyach. Sobranie sochinenii : v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.], ed. by D.V. Ivanova, O. Deshart; with introd. and comm. by O. Deshart. Briussel', Foyer Oriental Chrétien Publ., 1971, vol. 1, pp. 7–226. (In Russ.)
- 3 *Drevnerusskie pateriki. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик* [The Old-Russian Patericons. Kiev Pechersk Patericon. Volokolamsk Patericon], eds. L.A. Ol'shevskaya, S.N. Travnikov. Moscow, Nauka Publ., 1999. 496 p. (In Russ.)
- 4 Zobnin Iu.V. *Materialy k Letopisi zhizni I tvorchestva Vyach. I. Ivanova. Chast I (1866–1907)* [Materials on the chronicle of life and work of Vyach. I. Ivanov. Part I (1866–1907)]. Ebook 2011. Available at: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2011/02/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf (Accessed 07 April 2018). (In Russ.)
- 5 Ivanov Vyach. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.], ed. by D.V. Ivanova, O. Deshart; with introd. and comm. by O. Deshart. Briussel', Foyer

- Oriental Chrétien Publ., 1971–1987. Vol. 1–4. 871 p. + 851 p. + 896 p. + 800 p. (In Russ.)
- 6 Ivanov Viach. *Stikhotvoreniia; Poemy; Tragedia: v 2 kn.* [Poems; Tragedy: in 2 books], ed. and comm. R.E. Pomirchii, introd. by A.E. Barzakh. St. Petersburg, Gumanit. agentstvo “Akadem. proekt” Publ., 1995. (In Russ.)
- 7 Ivanov Viach. *Povest’ o Svetomire tsareviche* [The Tale about Tsarevich Svetomir], eds. A.L. Toporkov, O.L. Fetisenko, A.B. Shishkin. Moscow, Lodomir, Nauka Publ., 2015. 824 p. (In Russ.)
- 8 Ivanov Viach., Zinov’eva-Annibal L. *Perepiska: 1894–1903* [Correspondence: 1894–1903], eds. D.O. Solodkaya, N.A. Bogomolov with participation of M. Vakhtel, introd. by M. Vakhtel, N.A. Bogomolov, comm. by N.A. Bogomolov, M. Vakhtel, with participation of D.O. Solodkaya. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. Vol. 1–2. 804 p. + 616 p. (In Russ.)
- 9 Kulish P. Ognennyy zmei, povest’ iz narodnykh predanii [The fire snake, story from folklore tradition]. *Küievlyanin*, published by Mikhail Maksimovich. Kiev, v universitetskoj tipografii Publ., 1841, book 2, pp. 181–288. (In Russ.)
- 10 Lopukhina Ye.V. Dvenadsat’ grekov [Twelve Greeks]. *Pravoslavnaya entsiklopediia* [Russian Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaya Entsiklopediia” Publ., 2014, vol. 14, pp. 234–236. (In Russ.)
- 11 Ranchin A.M. Iz nabliudenii nad prostranstvennoy strukturoi v skazaniyakh Kievo-Pecherskogo paterika [From the observations on the structure of space in the narrations of Kiev Pechersk Patericon]. *Germenevika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of the Old Russian literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury, Progress-traditsiya Publ., 2004, issue 11, pp. 370–375. (In Russ.)
- 12 Suvorov V.G. Religiozno-narodnye pover’ya i skazaniia (zapisany v Kalyazinskom uezde Tverskoi gubernii) [Religious and folklore beliefs and tales (recorded in Kalyazin district of Tver’ province)]. *Zhivaya starina*. St. Petersburg, Tipographiia Ye. Yevdokimova Publ., 1899, issue 3, pp. 389–397. (In Russ.)
- 13 Toporkov A.L. “Stikh o Svyatoi gore” Vyach. Ivanova: opyt interpretatsii. Statiya pervaya [“The Verse about the Holy Mountain” by Vyacheslav Ivanov: a close reading. First essay]. *Studia Litterarum*, 2016, vol. 1, no 3–4, pp. 298–324. (In Russ.)
- 14 Trubetskoi S.N. Smert’ V.S. Solovyova. 31 iulya 1900 g. [The Death of V.S. Solovyov. 31 July 1900]. *Vestnik Yevropy*, St. Petersburg, 1900, vol. 205, no 9, pp. 412–420. (In Russ.)
- 15 Trusevich I. Narodnye legendy pro Kiev i ego okrestnosti [Folklore legends about Kiev and its suburbs]. *Küievlyanin. Literaturnaya i politicheskaya gazeta Iugo-Zapadnogo kraya*. Kiev, 1866, no 4, 8 Jan., pp. 13–14; no 5, 11 Jan., pp. 17–18; no 6, 13 Jan., pp. 21–22. (In Russ.)